

**Парфенова Юлия Владимировна**

аспирант кафедры российской политики  
Санкт-Петербургского государственного университета

**СЕТЕВЫЕ РЕСУРСЫ  
КАК ИНСТРУМЕНТЫ  
ПОЛИТИЧЕСКОГО УЧАСТИЯ  
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ**

**Аннотация:**

*В статье анализируются роль и возможности сетевых ресурсов (прежде всего социальных сетей) в процессе обеспечения политического участия и эффективности системы обратной связи государства и общества. Автор анализирует как конвенциональные, так и неконвенциональные формы сетевого политического участия и делает вывод о двойственной роли сетевых ресурсов: как возможного источника политической нестабильности и как эффективного механизма обратной связи между политической властью и обществом.*

**Ключевые слова:**

*сетевые ресурсы, социальные сети, политическая стабильность, мобилизационный потенциал, система обратной связи, сеть Интернет, коммуникативная эффективность.*

**Parfenova Yulia Vladimirovna**

PhD student, Russian Politics Department,  
Saint-Petersburg State University

**NETWORK RESOURCES  
AS TOOLS OF POLITICAL  
PARTICIPATION  
IN CONTEMPORARY RUSSIA**

**Summary:**

*The article analyzes the role and capability of network resources (primarily, social networks) in the process of ensuring political participation and the effectiveness of the feedback system of the state and society. The author examines both conventional and unconventional forms of network political participation and concludes that the network resources play a dual role: as a possible source of political instability and an effective feedback mechanism between political power and society.*

**Keywords:**

*network resources, social networks, political stability, mobilization potential, feedback system, Internet, communication efficiency.*

В условиях чрезвычайно быстрого технологического развития конца XX – начала XXI в. социальные и политические системы современных государств подверглись новым угрозам и испытаниям. В частности, с середины 2000-х гг. широкое распространение в средствах массовой информации и научной политологической литературе получила идея о том, что ставшие исключительно популярными социальные сети и некоторые другие онлайн-сервисы превратились в один из наиболее опасных и неконтролируемых властью источников политической нестабильности и мобилизации оппозиционно настроенных граждан. Миф о всемогуществе социальных сетей появился после хорошо известных событий арабской весны 2011 г., ознаменовавшейся переворотами в Тунисе, Египте, Йемене, гражданской войной в Ливии и пр.

Современная Россия, при всей кажущейся устойчивости политического режима и достаточно высоком рейтинге поддержки политических лидеров страны, также не избежала массовых протестов, в ходе проведения которых активно использовались социальные сети для мобилизации граждан. Пик протестной активности пришелся на конец 2011 – первую половину 2012 г.

Сетевой характер протестных акций в Москве 2011–2012 гг. определялся исключительно высокой активностью в социальных медиа так называемых «рассерженных горожан», когда роль узловых центров политической мобилизации стали выполнять специально созданные тематические онлайн-сообщества. Именно в рамках этих виртуальных сообществ пользователям предлагались различные стратегии выражения и поддержки солидарности, обеспечивалось донесение информации до большого числа участников за крайне ограниченный период времени и фактически при нулевых затратах ресурсов: требуется лишь доступ в интернет и регистрация на определенных платформах» [1, с. 86]. Охват такими центрами различных социальных сетей оказался достаточно широким. Они были созданы на площадках как отечественных (преимущественно русскоязычных) социальных сетей («ВКонтакте», «Одноклассники»), так и глобальных (Facebook, Twitter).

В рамках исследования, проведенного на базе Московского государственного гуманитарного университета им. М.И. Шолохова, были проанализированы и представлены следующие модели поведенческой репрезентации в ходе протестного движения в России 2011–2012 гг.:

– Модель проблемно ориентированного погружения в протестную активность, которая носит конфликтно-сетевой характер, а пользователь в ней выполняет функцию активного распространения информации в социальных сетях [2]. Но, несмотря на достаточно высокую степень мобилизованности и готовности к участию в протестных акциях офлайн (при условии наличия

резонансных событий), пользователи, чье поведение можно отнести к данной модели, в большей степени ориентированы на несколько (чаще всего одну-две) конкретные проблемы.

– Вторая модель определяется В.В. Титовым как «подражательная», или «имитационная» [3]. Она носит четкую виртуальную направленность, и пользователи, придерживающиеся ее, почти всегда не готовы к офлайн протестной политической активности. Отсюда основные формы ее проявления: обсуждения в сетевых группах, перепосты, комментарии, выражение поддержки тех или иных высказываний или событий посредством «лайков» и т. д. Такая модель во многом является откликом пользователей на «моду на протест», захватившую умы многих (прежде всего молодых) пользователей в 2010–2011 гг.

– Третья модель, которую условно можно обозначить как «лидерская», представляет собой наиболее активное сетевое поведение с высокой степенью готовности участия в акциях офлайн. Сетевая активность в рамках данной модели выступает «инструментом мобилизации “виртуального” сообщества, способом его материализации во внесетевом пространстве, механизмом искусственного поддержания протестных настроений среди периферийных сегментов... Нередко представители такой поведенческой модели претендуют на “виртуальное политическое лидерство” в определенных сетевых сообществах и готовы к системным неконвенциональным действиям» [4, с. 178].

Представленная систематизация поведенческих репрезентаций российского протестного электората, с одной стороны, построена по достаточно простому принципу оценки степени вовлеченности пользователей в сетевые дискуссии и готовности к действиям за пределами виртуального пространства, но, с другой стороны, диагностирует очень важный процесс размывания и переструктурирования традиционного политического спектра (либералы – западники/консерваторы – государственники, левая оппозиция / провластное большинство и т. д.). В результате сетевизации политического пространства происходит «формирование альтернативных, проблемно-фокусированных эластичных идентичностей, динамика которых обусловлена не устойчивыми политическими предпочтениями пользователей, а информационно-политической и социальной “повесткой дня”» [5, с. 177].

Однако, несмотря на стабильно высокую активность в онлайн-пространстве, уже к середине лета – осени 2012 г. количество акций протеста и принимающих в них участие россиян заметно снизилось. Тенденция снижения протестной активности в 2012 г. зафиксирована в таблице 1, представляющей данные, полученные в ходе опросов Левада-центра в первой половине 2012 г.

**Таблица 1 – Ответы на вопрос «Поддерживаете ли Вы сейчас такие акции протеста (“за честные акции”, “марш миллионов” и т. п.)?», в % [6]**

Варианты ответов	декабрь 2011	март 2012	апрель 2012	июнь 2012
Определенно поддерживаю	10	7	12	7
Скорее поддерживаю	31	25	26	30
Скорее не поддерживаю	27	28	32	30
Совершенно не поддерживаю	18	23	14	14
Затрудняюсь ответить	14	17	15	19

Согласно данным таблицы 1, уже к лету 2012 г. протестные настроения упали практически в два раза. Их рост до 12 % в апреле 2012 г. объясняется президентскими выборами, вновь всколыхнувшими общество [7].

Среди целого ряда институциональных причин падения протестной активности в России после 2011–2012 гг. следует особо выделить осознание многими протестующими политической неэффективности подобных акций в аспекте обеспечения обратной связи гражданского общества и власти. Существенную роль в снижении интереса избирателей к неконвенциональным методам участия сыграло интенсивное развитие альтернативных сетевых инструментов, в качестве которых выступили многочисленные сетевые сервисы, обеспечивающие гражданское участие в обсуждении и принятии решений по общественно значимым проблемам. Подобные сервисы создавались как при участии государственной власти, инициировавшей общественное обсуждение резонансных решений, так и в качестве самостоятельных гражданских инициатив.

Можно предложить следующую классификацию сетевых ресурсов участия, действующих сегодня в России.

Первый блок составляют ресурсы, обеспечивающие поэтапное обсуждение общественно значимых решений (чаще всего законопроектов) на специально создаваемых сетевых платформах.

Второй блок – это специальные ресурсы по предложению электронных петиций и сбору подписей за или против таких решений.

Наконец, третий блок составляют многочисленные краудсорсинговые ресурсы по сбору жалоб и предложений от граждан на самые разные общественно значимые темы.

Одной из первых общественных онлайн-дискуссий стало обсуждение федерального закона «О полиции» на специально созданной для этого сетевой площадке [www.zakonoproekt2010.ru](http://www.zakonoproekt2010.ru). Данное обсуждение продемонстрировало высокую степень готовности российских граждан к участию в сетевых дискуссиях. Так, за время работы сервиса поступило около 21 тыс. комментариев. В целом сайт посетили более 1,5 млн чел. [8]. Использованный инструментарий сетевого форума, а также количество принявших участие в обсуждении граждан продемонстрировали достаточный уровень репрезентативности общественного мнения по законопроекту, что обеспечило в конечном счете высокую степень его легитимации. При этом полученные данные показывают, что, несмотря на большое количество комментариев, посвященных смене названия «милиция» на «полиция», наиболее активными участниками дискуссии стали авторы, знающие систему внутренних дел изнутри и старающиеся дать действительно экспертную оценку законопроекту.

К официальным ресурсам, обеспечивающим процесс подачи петиций в органы государственной власти, относится прежде всего «**Российская общественная инициатива**» ([www.roi.ru](http://www.roi.ru)), созданная во исполнение Указа Президента РФ № 183 «О рассмотрении общественных инициатив, направленных гражданами Российской Федерации с использованием интернет-ресурса “Российская общественная инициатива”», принятого в марте 2013 г.

Ресурс «Российская общественная инициатива» интегрирован с порталом предоставления государственных и муниципальных услуг [gosuslugi.ru](http://gosuslugi.ru), что позволяет использовать учетные записи пользователей, сделанные в личном кабинете на данном сайте. Его цели и механизм работы имеют много общего с зарубежными аналогами. После обязательной регистрации и подачи инициативы (муниципального, регионального или федерального уровня) она проходит юридическую экспертизу и только после этого размещается на сайте для голосования. По условиям проекта «Российская общественная инициатива» для того, чтобы быть рассмотренной органами государственной или муниципальной власти, за муниципальную инициативу в течение года должны проголосовать не менее 5 % от численности населения муниципального образования, за региональную, соответственно, не менее 5 % граждан, проживающих на территории данного субъекта, и, наконец, за общероссийскую инициативу – не менее 100 000 граждан РФ.

Кроме «Российской общественной инициативы» сегодня в РФ созданы и активно используются независимые ресурсы для организации собственных кампаний в поддержку или против готовящегося или уже принятого органами государственной власти решения. К наиболее популярным относятся сетевые платформы: **change.org** (петиция за принятие закона о деятельности коллекторов – более 234 000 подписей, против реформирования РАН – более 61 000 подписей, в поддержку возвращения льготного посещения музеев для студентов – более 83 000 подписей и др.), **onlinepetition.ru**, созданная еще в 2007 г. (петиция о необходимости улучшения экологической обстановки в г. Братске – 13 000 подписей, петиция на имя Президента РФ об ужесточении наказания за преступления против детей – более 23 000 подписей и т. д.) [9; 10].

Отличительными характеристиками функционирования независимых ресурсов подачи петиций являются:

- высокая степень открытости и доступности, обеспечиваемая за счет привлечения к обсуждению проблем любых социальных групп и граждан различных государств;
- гарантия полной свободы выбора обсуждаемых тем, ограниченной только рамками российского законодательства;
- стимулирование выражения независимого мнения;
- публикация открытой истории каждой петиции и всех сопутствующих данных.

Краудсорсинговые проекты чаще всего локализованы на уровне региона или муниципалитета и направлены на выявление и решение конкретных проблем. Всего по России, согласно карте краудсорсинговых проектов, представленной на сайте [crowdsourcing.ru](http://crowdsourcing.ru), насчитывается 225 подобных крупных проектов, которые расположены по территории страны примерно в следующем порядке: 111 проектов – центральная европейская часть России и юг, 59 – Урал, 55 – Сибирь и Дальний Восток.

Все проекты расположены в крупных городских центрах. Безусловные лидеры по количеству краудсорсинговых проектов – Москва и Санкт-Петербург (20 и 10 проектов соответственно), Новосибирск (8), Владивосток (6), Красноярск (5), Екатеринбург (4).

В большинстве случаев эти проекты связаны с краудмэппингом, то есть составлением карт проблем региона. Там же, где предполагается совершенствование процессов принятия решений и активное участие в политической жизни, мы наблюдаем лишь некоторые элементы краудсорсинга.

Один из показательных примеров подобных проектов – ресурс «Открытый бюджет» Ленинградской области. Он был создан в 2013 г. с целью совершенствования процесса участия граждан в разработке проекта и корректировке регионального бюджета. Зарегистрированные на данном ресурсе жители Ленинградской области могут в онлайн-режиме подать идею по улучшению

бюджетного процесса, расходованию бюджетных средств, заявить актуальную для конкретной местности проблему либо выбрать три наиболее важных с точки зрения необходимости бюджетного обеспечения сферы региональной политики [11]. К сожалению, данный сервис не дает возможности оценить, насколько оперативно реагирует администрация на подаваемые таким образом предложения и какое реальное их количество было учтено при разработке проекта бюджета или его корректировке. Тем не менее сама инициатива и ее техническое исполнение вполне соответствуют многим западным образцам.

Ключевыми преимуществами использования технологий краудсорсинга для повышения политической и гражданской активности, а также обеспечения общественного участия в процессе принятия решений являются:

- возможность сбора максимального числа решений/идей/мнений;
- организация комплексного обсуждения участниками поданных предложений через отзывы и комментарии;
- оценка поданных предложений силами участников или с привлечением экспертов;
- формирование по итогам обсуждения структурированных перечней лучших предложений и отзывов на них.

Таким образом, активизация использования всех трех видов ресурсов участия в значительной степени способствовала снижению неконвенциональной политической активности жителей крупных городских центров (так называемых «рассерженных горожан» или «креативного класса») и направила их гражданскую активность на обсуждение и решение локальных социальных и экономических проблем.

Сетевые ресурсы при этом сыграли важную конструктивную роль в обеспечении *коммуникативной эффективности* взаимодействия государства и общества. Это понятие, определяемое А.В. Курочкиным в отношении системы государственного управления как «функция минимизации транзакционных издержек, рассматриваемых здесь в более широком значении как издержки социальных обменов... и сфокусированное на качестве работы механизма координации социальных связей и взаимодействий» [12], представляется наиболее адекватным для анализа и оценки механизмов мобилизации и участия в системе обратной связи государства и гражданского общества. Сетевые ресурсы при этом не только являются инструментом информирования или одностороннего влияния со стороны государства или оппозиции, но становятся важным элементом системы коммуникации государства и общества, направленной на минимизацию неопределенности на всех уровнях политического управления, предложение ясных «правил игры» для контрагентов и обеспечение стабильности политической системы страны в целом.

### Ссылки и примечания:

1. Докука С.В. Коммуникация в социальных онлайн-сетях как фактор протестной мобилизации в России : дис. ... канд. социол. наук. М., 2014. 150 с.
2. Титов В.В. Политическая самоидентификация и модели протестного поведения пользователей Рунета (по материалам контент-анализа социальных сетей «ВКонтакте» и Facebook) // Мониторинг общественного мнения. 2013. № 8 (114). Март – апрель.
3. Там же.
4. Там же. С. 178.
5. Там же. С. 177.
6. Источник: Митинги оппозиции – Часть 1 [Электронный ресурс]. 2012. 5 июля. URL: <http://www.levada.ru/2012/07/05/mitingi-oppozitsii-chast-1/> (дата обращения: 24.03.2016).
7. Там же.
8. Курочкин А.В. Краудсорсинг как новый метод политического управления в условиях сетевого общества // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 9–1 (35). С. 78–81.
9. Там же.
10. Курочкин А.В., Никифоров А.А. Гражданские инициативы в условиях сетевого общества: новые возможности и ограничения // Современные исследования социальных проблем. 2015. № 1. С. 239–252.
11. Курочкин А.В., Парфенова Ю.В. Новые формы представительства интересов и «сетевая публичность» // Управление публичной политикой : коллектив. моногр. / под ред. Л.В. Сморгунюва. М., 2015. С. 62–70.
12. Курочкин А.В. «Коммуникативная эффективность»: концептуализация понятия и перспективы использования в теории и практике государственного управления // Человек. Сообщество. Управление. 2013. № 4. С. 83–92.

### References:

1. Dokuka, SV 2014, *Communication in the online social networks as a factor in the mobilization of protest in Russia*, PhD thesis, Moscow, 150 p.
2. Titov, VV 2013, 'Political identity and model of protest behavior Runet users (based on the content analysis of social networks "VKontakte" and Facebook)', *Monitoring of public opinion*, no. 8 (114), March - April.
3. Titov, VV 2013, 'Political identity and model of protest behavior Runet users (based on the content analysis of social networks "VKontakte" and Facebook)', *Monitoring of public opinion*, no. 8 (114), March - April.

4. Titov, VV 2013, 'Political identity and model of protest behavior Runet users (based on the content analysis of social networks "VKontakte" and Facebook)', *Monitoring of public opinion*, no. 8 (114), March - April.
5. Titov, VV 2013, 'Political identity and model of protest behavior Runet users (based on the content analysis of social networks "VKontakte" and Facebook)', *Monitoring of public opinion*, no. 8 (114), March - April.
6. Source: *Rallies Opposition - Part 1* 2012, 5 July, retrieved 24 March 2016, <<http://www.levada.ru/2012/07/05/mitingi-oppozitsii-chast-1/>>.
7. *Rallies Opposition - Part 1* 2012, 5 July, retrieved 24 March 2016, <<http://www.levada.ru/2012/07/05/mitingi-oppozitsii-chast-1/>>.
8. Kurochkin, AV 2013, 'Crowdsourcing as a new method of political management in a network society', *Historical, philosophical, political and juridical sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice*, no. 9-1 (35), p. 78-81.
9. Kurochkin, AV 2013, 'Crowdsourcing as a new method of political management in a network society', *Historical, philosophical, political and juridical sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice*, no. 9-1 (35), p. 78-81.
10. Kurochkin, AV & Nikiforov, AA 2015, 'Civil initiatives in a network society: opportunities and limitations', *Recent studies of social problems*, no. 1, p. 239-252.
11. Kurochkin, AV & Parfenova, YV 2015, 'New forms of representation of interests and "network publicity"', *Management of public policy: collective monograph*, Moscow, p. 62-70.
12. Kurochkin, AV 2013, "'Communicative efficiency": the conceptualization of concepts and perspectives in the theory and practice of public administration', *Human. Community. Control*, no. 4, p. 83-92.